

Война Владимир

Шепот

В

эфире.

Записки

военного

разведчика.

18+

Война Владимир Шепот в эфире. Записки военного разведчика.

<https://litres.ru/74272293>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Шепот в эфире. Записки военного разведчика» — документально-художественный роман о ветеране ГРУ, прошедшем всю Великую Отечественную войну. Основываясь на реальных событиях и рассекреченных архивах, книга рассказывает о судьбах разведчиков, работавших в тылу врага.

Главный герой, капитан Александр Пушкарев, от аналитика в Москве до руководителя операций, проходит через ключевые моменты войны: предупреждение о нападении в 1941 году, работу резидентур «Красная капелла» и «Дора», атомный шпионаж и трагические судьбы после Победы.

Для кого:

Для всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны и работой разведки.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шепот в эфире. Записки военного разведчика.

Глава

Введение

Меня зовут Александр Николаевич Пушкарев. Когда-то, в далеких сороковых, в моем личном деле значилось: «капитан, сотрудник Разведывательного управления Генерального штаба». Сейчас я просто пенсионер, доживающий свой век в небольшой квартире на окраине Москвы. За окном шумит новый век, а я всё чаще ловлю себя на том, что мое прошлое тихо и настойчиво стучится в дверь.

Всю мою жизнь окутывала тайна. Даже самые близкие люди не знали, чем я занимался на самом деле. Они видели лишь ту часть айсберга, которая была над водой: скромного военного, уставшего от службы, или, как это часто бывало, технического специалиста, вечно занятого «бумагами». Но под этой гладью скрывался целый мир — мир рискованных операций, зашифрованных радиogramм, ночных встреч на конспиративных квартирах и судебных, сломанных войной и секретами.

Мне давно за девяносто. Большинство моих товарищей,

тех, с кем мы начинали, кто учил нас азам конспирации в Испании, кто выходил на связь из берлинских подвалов или парижских мансард, уже ушли в иной мир. С ними уходят и их истории. История нашей военной разведки, ГРУ. Не та парадная, лакированная версия, которую писали для газет, а настоящая, живая, полная боли, героизма и невероятной человеческой силы.

Зачем я берусь за этот труд? Сейчас, когда сняты многие грифы секретности, когда можно назвать имена, которые мы шепотом произносили только в кабинетах начальства, я чувствую себя последним свидетелем. Свидетелем эпохи, когда на карту было поставлено всё. Эти мемуары — не просто сухие записи о разведывательных операциях, которые я знал из отчетов. Это моя исповедь и мой реквием по тем, кого я помню.

Я видел, как наши лучшие кадры, прошедшие ад Гражданской войны, были уничтожены в застенках 1937-го по абсурдным обвинениям. Я стоял у истоков создания агентурных сетей в Европе и видел, как они горели в огне гестаповских зачисток. Я держал в руках донесения Рихарда Зорге, предупреждавшие о войне за год до ее начала, и чувствовал горечь, когда на эти сообщения отвечали глухим молчанием. Я знал людей, которые по собственной воле, не за деньги, а за идею, шли на смерть, чтобы передать нам информацию, которая решала исход сражений.

Эта книга — о них. О «Альте» и «Арийце», которые ра-

ботали в самом сердце Третьего рейха; о «Большом Шефе» Треппере, чья самоуверенность стоила жизни сотням; о болгарском генерале Заимове, который отдал жизнь ради борьбы с фашизмом; о Клаусе Фуксе, подарившем Советскому Союзу время в атомной гонке; о тысячах безымянных радистов, курьеров, шифровальщиков и агентов, которые, рискуя собой, приближали Победу.

Нельзя сказать, что все они были идеальными героями. Среди нас были предатели, такие как Гузенко, чье имя я не могу произносить без содрогания. Были ошибки, провалы, вызванные человеческой слабостью или фатальным невезением. Но величие нашей разведки в том, что даже перед лицом катастрофы, даже когда гестапо сжимало кольцо, находились силы переиграть врага, сообщить в Центр о провале и успеть спасти хотя бы крупицу того, что было добыто потом и кровью.

Я расскажу вам о том, что видел сам, и о том, что знаю из достоверных источников. Моя цель — не судить, а сохранить память. Память о людях, чьи имена до сих пор остаются «белыми пятнами» на карте нашей истории. Память о тех, кто, работая в тени, сделал всё, чтобы мы могли жить на свете.

Это не просто мемуары старого солдата. Это голоса из прошлого. Это наша общая, часто трагическая, но героическая история. И если хотя бы одно имя из этой книги не будет забыто, я буду считать свою задачу выполненной.

Глава 1. Пролог. Начало пути.

Москва, 1940 год. Зима, кажется, в тот год была особенно лютой. Колочий ветер гулял по пустынным улицам, замечая снегом серые стены домов. Но в кабинетах на Знаменке, в старом здании на Арбате, где размещалось Разведывательное управление Генштаба РККА, было душно от напряжения. Здесь не грели батареи — здесь кипела работа. Мы сидели в кабинетах, заваленных папками, пили остывший чай и вглядывались в строчки шифровок, пытаюсь понять главное: когда?

Я тогда был молодым капитаном. Едва перевалило за тридцать, а за плечами уже была Испания — школа, которая закалила нас всех. Там мы поняли, что такое настоящая война, что такое предательство и что такое цена информации. Вернувшись, я попал в «информационный отдел», где наша группа анализировала сводки со всего мира. Это была кропотливая работа: из сотен разрозненных сообщений, из обрывков фраз, из слухов, которые приносили агенты, нужно было сложить единую картину.

И картина эта была пугающей.

Я помню, как лейтенант, только что пришедший из академии, с наивным энтузиазмом доложил: «Товарищ капитан, по данным из Франции, немцы готовят новую кампанию в Африке!». А я, глядя на разложенные на столе карты и отчеты, понимал, что это лишь дымовая завеса. Наши легальные резиденты в Берлине и Варшаве, наши нелегалы, которых мы набирали с таким трудом, в один голос твердили: «Они идут

на Восток».

Испания научила меня одному: доверять интуиции и не верить красивым словам. Гитлер был врагом. Мы знали это еще с Мюнхенского сговора, когда западные союзники отдали Чехословакию на съедение. И было ясно, что его аппетиты не утолятся Прагой. Следующей была Польша, а потом... потом мы.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мы, разведчики, оказались в очень странном положении. Мы видели то, чего не хотели видеть наверху. Мы знали, что война неизбежна, но наши доклады сталкивались с непрошибаемой стеной неверия. «Провокация!», «Дезинформация от англичан!», «Не поддавайтесь на панику!» — вот что мы слышали в ответ.

Моя работа в то время была связана с анализом депеш из Берлина. Я каждое утро просыпался с надеждой, что «Арнольд» — наш военный атташе генерал Тупиков — пришлет что-то обнадеживающее. Но новости становились все мрачнее. 27 февраля 1941 года я лично расшифровал его сообщение: «Общее количество моторизованных дивизий, по имеющимся у нас данным, сейчас 22... Часть танковых дивизий реорганизуется...». Сухие цифры, за которыми стояла огромная, хорошо отлаженная военная машина, готовящаяся к броску.

Но были и другие голоса. Голоса с «той стороны». Ильза Штебе, наша «Альта», передавала через связных: «Гитлер

отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года». Это было в декабре 1940. Потом, в январе 1941, она уточнила: сроки переносятся, но приказ остается в силе.

Я помню, как мой непосредственный начальник, полковник, просматривая эти депеши, хмурился и покачивал головой. «Мы докладываем, — говорил он. — Мы докладываем на самый верх. А они там сидят и верят в договор о ненападении, как в икону». Было тяжело. Тяжело осознавать, что ты знаешь правду, но она никому не нужна.

Самым ярким и трагическим свидетельством той эпохи для меня стало письмо генерала Тупикова от 25 апреля 1941 года. Он написал начальнику Разведупра Голикову:

«За 3,5 месяца моего пребывания здесь я послал Вам до полусотни телеграмм и несколько десятков письменных донесений... Но все они являются крупинками ответа на основной вопрос: стоит ли... война с нами...»

Он честно, без прикрас, изложил свой вывод: «1. В германских планах... СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года...»

Это было не донесение. Это был крик души. Крик профессионала, который видит лавину, сходящую с гор, и знает, что его предупреждения не услышат. Генерал Тупиков был убит в сентябре 1941 года, попав в окружение под Киевом. Он был прав. Мы все знали, что он прав, но никто не хотел

слушать.

Конечно, были и те, кто пытался нас остановить. Работать в Берлине становилось всё сложнее. После того как в 1935 году был арестован в Дании один из наших ключевых связников, многие нити были оборваны. Но мы снова и снова восстанавливали их. Я лично, будучи курьером, ездил в Берлин в 1939-м, чтобы восстановить контакт с «Альтой». Мне было поручено через ее мать в Бреслау выйти на нее и убедить, что она работает на нас по-прежнему. Это было как хождение по лезвию ножа: один неверный шаг, одна ошибка, и я — труп. Но я нашел ее, и мы продолжили работу.

Именно тогда я понял главный закон нашей профессии: побеждает не тот, у кого больше пушек, а тот, кто знает больше. Мы не могли остановить Гитлера дипломатией. Но мы могли знать о каждом его шаге, о каждой переброске войск, о каждой дивизии, собранной у наших границ. И это знание, даже игнорируемое политиками, было нашим оружием. Оно было нашей надеждой.

Мы жили в постоянном напряжении. Ночь — это время работы радистов. Вечером, когда город затихал, в подвалах Знаменки загорались лампы, и наши радисты, наушники на головах, пытались поймать в эфире слабые сигналы из Европы. Днем — анализ, перевод, попытки понять, что за этим стоит. И снова — бесконечные рапорты вверх, в надежде, что на этот раз нас услышат.

Так проходили дни, недели, месяцы. Мы знали, что война

начнется летом. Мы знали направление главного удара. Но даже когда 21 июня 1941 года я вышел из здания на Знаменке, я всё еще надеялся, что случится чудо. Я ошибался. Чудо не случилось. Зато случилось то, чего мы ждали и боялись одновременно. Началась Великая Отечественная.

Именно с этого дня моя работа, работа всех нас, приобрела новый смысл. Теперь мы были не просто наблюдателями, мы были неотъемлемой частью боевой машины. Наша информация стала решать судьбы фронтов, судьбы людей. Это было началом самого тяжелого и самого важного этапа в моей жизни.

Глава 2. Берлинская резидентура. Тени перед бурей.

Москва, здание на Знаменке. Весна 1941 года. За окнами уже таял снег, но в моей душе холода не было. Тревога, густая и липкая, осела на сердце. Мы ждали.

Главной ареной разведывательной работы в те месяцы, конечно же, была Германия. Страна, которая готовилась нас уничтожить, была для нас открытой книгой. Ну, почти открытой. Ключи к этой книге давали нам люди, находившиеся в самом сердце рейха: наши легальные и нелегальные резиденты.

Легальную резидентуру в Берлине возглавлял военный атташе, генерал-майор Василий Иванович Тупиков. Мы в Центре называли его «Арнольд». Это был человек старой закалки, прошедший Гражданскую войну, умный, осторожный и до мозга костей преданный своему делу. Вместе с ним рабо-

тал полковник Николай Дмитриевич Скорняков, «Метеор», помощник по авиации. Они составляли костяк, вокруг которого строилась вся работа.

Я помню, с каким уважением мы относились к их донесениям. Тупиков был не просто «передатчиком» фактов. Он был аналитиком. Он умел соединять разрозненные сведения в стройную картину. Именно он одним из первых забил тревогу. Именно он первым заговорил о том, что война неизбежна и начнется в этом году.

В моем сейфе до сих пор хранится копия его письма от 25-26 апреля 1941 года. Я перечитывал его сотни раз. Там есть слова, которые звучат как пророчество:

«Все эти данные приводят меня к убеждению, что: 1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения – возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года...»

Тупиков писал это в тот момент, когда весь политический истеблишмент был убежден, что мы сумеем договориться с Гитлером. Он писал это, зная, что его слова могут сломать ему карьеру. Но он был профессионалом. И он сделал свой выбор.

Но Тупиков и его команда были лишь вершиной айсберга. Гораздо более сложной и опасной была работа нелегалов. Главной звездой на этом небосклоне была, безусловно, Илья Штебе, наша «Альта». Мы знали о ней очень много, и од-

новременно — почти ничего. Она была немкой, журналисткой, работавшей в пресс-службе МИДа. Она была убежденной коммунисткой, и она ненавидела фашизм.

В отличие от многих, кто работал на нас из идейных соображений, «Альта» была настоящим профессионалом. Она умела ждать, умела слушать и умела не высовываться. Долгое время мы не знали ее настоящего имени, мы знали только ее псевдоним. Она была нашим главным источником в Германии, и мы берегли ее как зеницу ока.

Ее самым ценным агентом был Рудольф фон Шелия, «Ариец». Аристократ, дипломат, человек, который презирал нацистов, но, понимая, что карьера требует жертв, вступил в НСДАП. Он был слаб к азартным играм и женщинам, и именно через это мы и подобрались к нему. Мы платили ему большие деньги, но его информация того стоила.

«Ариец» был нашим «кротом» в МИДе. От него мы узнавали о планах Риббентропа, о дипломатических маневрах Гитлера, о том, как Германия готовилась изолировать СССР. Но самое главное — он давал нам военную информацию.

В сентябре 1940 года «Альта» сообщила: «Ариец» узнал, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Это было шоком. Потом, в январе 1941, пришли уточнения: «Подготовка наступления против СССР началась много раньше... Подтверждает, что это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера...» Я сидел над этими радиограммами и чувствовал,

как холод пробегает по спине. Мы знали, что идет подготовка. Но «Альта» и «Ариец» доказывали это документально.

Вот краткое сообщение от 28 февраля 1941 года, переданное «Альтой»:

«Посвященные военные круги... совершенно определенно стоят на той точке зрения, что совершенно определенно война с Россией начнется уже в этом году... Сформированы три группы армий... Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая...»

Это было точное попадание. Они даже называли имена командующих: Бок, Рундштедт, Лееб. Они описали направления ударов. Эта информация была настолько конкретной, что мы в Центре поначалу думали, что это провокация. Но «Альта» и «Ариец» никогда не ошибались.

За ними стояла целая сеть. Помимо фон Шелиа, «Альта» имела еще шесть источников в МИДе. Среди них был и Герхард Кегель, который работал в немецком посольстве в Москве. Он был нашим связным, передававшим нам сведения о настроениях в посольстве, о планах и о том, как немцы воспринимают советское руководство.

К сожалению, все эти блестящие операции были омрачены тенью репрессий. После 1937 года в нашем аппарате было потеряно много связей. Некоторые агенты были арестованы, некоторые просто перестали выходить на связь. Мы потеряли «Альту» на некоторое время, и только в 1939 году, когда я сам ездил в Берлин, мне удалось восстановить контакт.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мы были на грани катастрофы. Мы знали о планах врага больше, чем кто-либо другой. Но наше руководство, погруженное в политические игры, предпочитало не слышать нас. Тупикова они не слушали. «Альту» они не слушали. Они слушали самих себя. И это чуть не стоило нам жизни. Но, как я уже сказал, мы, разведчики, не имели права сдаваться. Мы продолжали работать, даже когда знали, что нас не слышат. Мы готовились к войне, даже когда нам говорили, что войны не будет. И именно наша подготовка, наша информация, которую мы копели, как последнюю надежду, помогла нам выжить в те страшные дни 1941 года.

Глава 3. «Альта» и «Ариец». Любовь и смерть в МИ-Де.

Я часто думаю об Ильзе Штебе. Когда я вспоминаю те предвоенные годы, её образ встает передо мной — хрупкая женщина с железной волей. Она была немкой, гражданкой страны, которая стала для нас самым страшным врагом. Но она выбрала другую сторону. Она выбрала нас. И она знала, чем это может закончиться.

Её история началась в Берлине, в рабочей семье. Она была секретарем, журналисткой, девушкой из простой семьи, которая сумела подняться благодаря своему уму и способностям. В 1928 году, работая в Варшаве, она познакомилась с Рудольфом Гернштадтом, коммунистом и агентом нашей разведки. Он увидел в ней потенциал. И не ошибся.

Она стала «Альтой». Ее главной задачей было добывать информацию из высших кругов Германии. И она справилась с этой задачей блестяще.

Ключевым звеном в её сети был Рудольф фон Шелия — «Ариец». Он был полной противоположностью Ильзы: аристократ, дипломат, советник МИДа. Он был человеком, который презирал Гитлера и его «мелких лавочников». Но у него было две слабости: женщины и карты. И в 1938 году наш агент Гернштадт, работая в Варшаве, нашел подход к нему.

Мы платили ему огромные деньги. В 1938 году на его счет в швейцарском банке было переведено шесть с половиной тысяч долларов — одна из самых больших сумм, когда-либо выплаченная нашей разведкой. Но платили мы не за предательство, а за информацию, которая стоила того. «Ариец» давал нам ключи к германской политике.

Я помню его донесения из Варшавы. В декабре 1938 года он писал: «В Министерстве иностранных дел... разрабатывается „германо-чехословацкий договор о протекторате“... Нельзя поэтому считать события на чехословацком участке законченными... полное подавление Богемии — это лишь начало». Он видел будущее. Он знал, что Мюнхенское соглашение — это лишь прелюдия.

Но самый ценный его вклад был в 1939 году. В мае он прислал подробный доклад о планах нападения на Польшу. Он описал, как Гитлер собирался бомбить Варшаву, как рассчитывал на молниеносную победу и как был уверен, что За-

пад не вмешается. И он был прав во всем. Через несколько месяцев война началась.

Когда «Ариец» вернулся в Берлин, наша связь с ним была передана Ильзе Штебе. Именно она стала его связной. Это было рискованное решение, но оно было единственно возможным. Гернштадт уехал в Москву, и «Ариец» остался без связи.

В Берлине Ильза устроилась в МИД. Она работала в пресс-службе, и это давало ей идеальное прикрытие. Встречи с фон Шелиа проходили в кафе, на улицах, в парках. Они были профессионалами высочайшего класса.

В 1940 году, с помощью фон Шелиа, Ильза получила доступ к ещё более секретной информации. Он стал её главным источником, но не единственным. У неё было еще шесть источников в МИДе. Она была центром паутины, опутавшей германское внешнеполитическое ведомство.

Я читал её донесения. Они были подобны лучу света в кромешной тьме. 29 декабря 1940 года — срочная радиogramма: «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года». 4 января 1941 года — подтверждение: «Ариец» получил это от военного лица, основано на специальном приказе Гитлера. Он называл направления ударов, называл командующих. Это была не просто информация — это был приговор.

Но мы не могли его остановить. Мы были пешками в большой политической игре, которую вели наверху. Мы видели

опасность, но мы были бессильны.

Арест Ильзы Штебе в сентябре 1942 года стал для нас тяжелейшим ударом. Мы знали, что гестапо охотится за «Красной капеллой», но мы не могли представить, что они выйдут на неё. Предательство Барта, радиоигра, которую начали немцы... Это была цепь трагических случайностей и ошибок.

Ильза, арестованная 12 сентября, держалась стойко. Она никого не выдала. Но жестокая реальность была такова: фон Шелия, арестованный вскоре после неё, под пытками рассказал всё. Их последняя встреча была в камере, где Ильза, уже сломленная морально, увидела человека, который стал причиной её гибели.

Они были казнены 22 декабря 1942 года в тюрьме Плетцензее. Мужчин повесили, женщин обезглавили. Это была жестокая казнь, достойная нацистского режима.

После войны мы узнали подробности. Фон Шелия, которого пытали, сломался. Но Ильза не сломалась. Она приняла смерть молча, как и подобает истинному солдату невидимого фронта.

Их подвиг остался незамеченным. Их имена были забыты на долгие годы. Но я помню. Я помню каждый их шаг, каждое их слово, каждую радиограмму, которая спасла тысячи жизней. «Альта» и «Ариец» — они были частью нашей истории, частью нашей Победы. И я надеюсь, что их имена никогда не будут забыты. Это была не просто разведка, это

была борьба за выживание, где каждый из них сделал свой выбор и заплатил самую высокую цену.

Глава 4. «Красная капелла». Симфония риска.

Когда я говорю о работе разведки, я часто представляю её как оркестр. Каждый инструмент важен, каждый музыкант играет свою партию. Но иногда все эти партии сливаются в мощную симфонию, которая потрясает мир. Таким оркестром для нас была «Красная капелла».

Гестапо дало это название нашей агентурной сети в Западной Европе. Оно звучало музыкально и романтично, но на деле это была жестокая реальность подпольной войны. «Красная капелла» — это было не одно подразделение, а целый конгломерат независимых групп, которые работали на советскую разведку. «Альта», «Корсиканец», «Старшина», «Старик» — все они были частью этого огромного симфонического оркестра, в котором каждый дирижировал своей партитурой, но все вместе создавали гимн сопротивлению.

Конечно, я не знал всех из них лично. Многие имена были известны мне только по кличкам и радиограммам. Но я знал их работу. Я знал, как они рисковали, как они боролись, как они умирали.

В Берлине, помимо «Альты», действовали группы Харнака и Шульце-Бойзена. Арвид Харнак, «Корсиканец», был ученым, доктором юриспруденции. Он был интеллектуалом, который организовал целую сеть из промышленников, чиновников и военных. Его информация была уникальной. Он

имел доступ к секретнейшим документам, которые рассказывали о немецкой экономике, о планах на Востоке, о том, как Германия готовилась к войне на истощение.

Харро Шульце-Бойзен, «Старшина», был потомственным военным. Его крестным отцом был адмирал фон Тирпиц, но сам он стал убежденным антифашистом. Он работал в разведке люфтваффе, имел доступ к информации о состоянии немецкой авиации, о потерях и о планах командования. Его группа состояла из высокопоставленных офицеров, которые ненавидели Гитлера и хотели его свергнуть.

И был ещё Адам Кукхоф — «Старик». Пожилой интеллигент, доктор философии, который объединил вокруг себя творческую интеллигенцию. Он был центром притяжения для многих антифашистов, и через него мы получали информацию о настроениях в обществе, о саботаже на заводах.

Эти три группы были абсолютно автономны. Они не знали друг о друге. Если бы гестапо вышло на одну из них, остальные остались бы в безопасности. Такова была конспирация. И это было нашей силой и, одновременно, нашей слабостью.

Информация от них шла в Центр разными путями. Иногда через курьеров, иногда по радио. Радистами были такие люди, как Курт Шульце («Берг»), который работал с «Альтой», или Ганс Коппи, который работал с группами НКВД. Они выходили в эфир по ночам, рискуя быть запеленгованными. Это была опасная работа, и многие радисты погибли.

В октябре 1941 года, когда связь с группами в Берлине

прервалась, мы отправили туда нашего человека — Анатолия Гуревича («Кента»). Это было отчаянное решение. Гуревич был резидентом в Брюсселе. Он должен был перейти границу, найти радистов и восстановить связь.

И он сделал это. Он проник в Берлин, встретился с Шульце и Шульце-Бойзенем, передал им новые шифры и взял информацию для отправки через свой передатчик. Это был подвиг, достойный настоящего профессионала.

Он передал в Центр серию сообщений, которые были просто сенсационными. Вот одно из них, ноябрь 1941 года:

«Запасов горючего, имеющихся сейчас у немецкой армии, хватит только до февраля или марта будущего года... Немецкая авиация понесла серьезные потери и сейчас насчитывает только 2500 пригодных к использованию самолетов... Вера в быструю победу Германии испарилась...»

Это было не просто донесение. Это был приговор немецкой военной машине. Мы знали, что они на пределе. Мы знали, что их план блицкрига провалился. Мы знали, что они проиграют войну.

Но именно эти сообщения и стали причиной гибели «Красной капеллы». Радисты Гуревича, перегруженные работой, передавали по пять часов в день. Их было легко запеленговать. И они были запеленгованы. В декабре 1941 года гестапо арестовало радистов в Брюсселе, а затем, расшифровав их сообщения, вышло на берлинские группы.

Аресты начались в августе 1942 года. Шульце-Бойзен,

Харнак, Штебе, Кукхоф — все они были схвачены. Их допрашивали, пытали, использовали в радиоиграх. Но многие из них, как Ильза Штебе, не выдали никого. Они ушли в могилу с тайной.

Это была трагедия, которую мы могли бы предотвратить, если бы не наши ошибки. Если бы мы не перегружали радистов, если бы не объединяли группы, если бы не допустили цепочки предательств. Но мы были людьми. И мы ошибались.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что «Красная капелла» была не просто разведывательной сетью. Это был символ сопротивления. Эти люди, немцы, французы, бельгийцы, поляки, евреи, — они рисковали всем, чтобы помочь нам победить. Они не были нашими гражданами, но они считали Советский Союз своей второй родиной. И они сделали всё, чтобы защитить её.

Я помню, как в 1942 году, когда мы получили известие о гибели Шульце-Бойзена и Харнака, в Центре наступило молчание. Все знали, что мы потеряли не просто агентов. Мы потеряли часть нашей души. Мы потеряли часть нашей надежды.

Но «Красная капелла» не исчезла бесследно. Её опыт, её жертвы, её символизм — всё это осталось с нами. Мы продолжали работать. Мы создавали новые сети, мы искали новых агентов. И каждый раз, когда мы начинали новую операцию, мы вспоминали о тех, кто ушел. О тех, кто отдал свои

жизни, чтобы мы могли жить. Они были нашей совестью, нашей силой и нашей памятью. «Красная капелла» — это была не просто операция. Это была война в войне. И мы её выиграли.

Глава 5. Операция «Треппер». Большой Шеф.

В истории нашей разведки есть фигуры, которые оставляют след не только своими успехами, но и масштабом своей личности. Леопольд Треппер был именно таким человеком. В Центре мы называли его «Большой Шеф», и это прозвище было ему под стать.

Я встретил его только после войны, в Москве, уже в кабинетах следователей. Но к тому времени я знал о нем всё, что можно было знать. Его биография могла бы стать сюжетом для приключенческого романа. Родился в Галиции, в бедной еврейской семье, вступил в компартию, работал в Палестине, воевал в Испании. А потом — Москва, разведшкола, и задание, которое изменило всю его жизнь.

В 1938 году Треппер был отправлен в Бельгию. Его миссия была простой, но гениальной: создать под прикрытием коммерческих фирм разведывательную сеть, которая работала бы в условиях войны. Он придумал схему, которая поражала своей дерзостью. Он открыл фирму «Форин экселент тренч-коут» по производству плащей, а затем сеть филиалов в других странах. В основе лежала легенда о канадском бизнесмене Адаме Миклере. Его заместителем стал Лео Гроссфогель, которого он знал еще по Палестине.

К 1941 году их предприятие, «Симэкс», имело филиалы в Париже, Марселе, Берлине и Праге. Треппер стал вхож в самые высокие деловые круги. У него были прекрасные отношения с немецкими властями. Он получал пропуска, дающие право на круглосуточное передвижение по оккупированным территориям. Его фирма поставляла товары для «Организации Тодта» — немецкой строительной военной организации. Это было идеальное прикрытие.

Но за этой коммерческой ширмой кипела работа. Агентурная сеть Треппера охватывала Бельгию, Голландию, Францию. Он имел на связи сотни людей. Его информаторы были везде: в немецких штабах, в министерствах, на железных дорогах. Он добывал информацию, которую невозможно было получить иначе.

Одним из его самых важных агентов был Генри Робинсон («Гарри»), который работал во Франции. Робинсон был ветераном разведки, человеком с огромным опытом. Треппер подчинил его себе, хотя это было спорное решение. Робинсон был более опытным и старшим по возрасту, но Центр решил, что Треппер должен быть главным. Это привело к напряженности в их отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.